

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ В ПУБЛИКАЦИЯХ
ГАЗЕТЫ «РУСЬ» 1881 ГОДА¹

И.С. Аксаков был знаком с Ф.М. Достоевским с 1860-х годов, однако особенного интереса ни к фигуре писателя, ни к его творческой деятельности не проявлял – упоминания о нем, даже в период издания последним «Дневника писателя», в переписке Аксакова редки и малосущественны. Помимо прочего подобная незаинтересованность связана с тем обстоятельством, что Аксаков не был «книго-чеем», редко читал книжные новинки, в основном следя за газетными и в меньшей степени журнальными публикациями по текущим вопросам, а к книгам обращался преимущественно в том случае, когда они требовались ему в работе над каким-либо конкретным вопросом – и интерес его был, соответственно, узконаправленным. Подобная черта личности Аксакова заставила одного из наиболее авторитетных исследователей его творчества, Н.И. Цимбаева, говорить про «недостаток философских и исторических знаний», о непривычке к умственным спекуляциям» [8, 47]. Вряд ли с подобной оценкой можно согласиться – в ней чувствуется проекция литературного и жизненного опыта исследователя, далекого от повседневного образа действий и организации жизненного мира своего персонажа: И.С. Аксаков в семейном кругу в данном отношении занимал позицию среднюю между своими братьями Григорием и Константином – если у первого преобладала практическая деятельность, занимаясь которой он чувствовал себя уверенно и спокойно, растериваясь и бездействуя в отсутствии конкретных, деловых задач, то для Константина реальность замыкалась в сфере мысли и чувства, и только в этом, весьма специфическом интеллектуально-эмоциональном пространстве он воспринимал мир, все переводя на его язык и придавая обыденному необыденную значимость – собственно, только так повседневность могла войти в пространство его опыта.

Аксакова от Достоевского отделяла, помимо прочего, разность эстетических практик. При близости эстетических вкусов (оба они были чувствительны к эстетике немецкого сентиментализма и романтизма, им были близки пафос и героика Шиллера, поэтика Гоголя, они разделяли общую симпатию к стихам Полонского), они существенно расходились в своих творческих установках – поэтика Достоевского была излишне сложна и противоречива для Аксакова, стремившегося в риторике к ясности и эмоционально возвышенному, несколько архаизированному слогу. Если в своих программных текстах Аксаков ориентировался на риторику полководца, то для Достоевского, по стертому выражению, оказывался близок «пророческий пафос», когда текст оставляет ощущение напряжения, близкого не к волевому порыву, а к падению в обморок от невыносимого напряжения.

Следует учесть и причины личного характера, отдалявшие Аксакова от Достоевского: безусловно, он не мог забыть последнему V-й из цикла «Ряд статей о русской литературе» («Время», 1861, № 11), в которой Достоевский не только резко размежевался с московским кружком славянофилов, но и поводом для этого избрал опубликованную И.С. Аксаковым посмертно статью его брата Константина «Наша литература» («День», 1861, № 1). Тон выступления, резкий даже для полемических нравов начала 1860-х, был тем более неуместен, что обличаемый автор статьи не имел уже возможности ответить на выпады Достоевского. Хотя в дальнейшем новых поводов к обострению отношений не возникало и Достоевский в условиях закрытия журнала «Время» обращался за помощью к Аксакову, которую последний старался оказать (правда, безуспешно), а в дальнейшем бывал в доме последнего [7, 242], однако Аксаков к Достоевскому особенного интереса не проявлял.

Отношение Аксакова к Достоевскому коренным образом изменилось под воздействием Пушкинской речи 1880 г. А.Ф. Амфитеатров вспоминал,

«как среди неопишемого рева и грохота восторгов появился на кафедре дюжий, широкоплечий, краснолицый, с суровыми серыми глазами Аксаков и, махая руками и зычным голосом преодолевая шум, потребовал спокойствия. И, чуть не на каждой фразе прерываемый взрывами рукоплесканий, дал речи Достоевского ту аттестацию, что пришлось так по сердцу самому Федору Михайловичу.

- Вещее слово сказано, – гласил Аксаков, со своими обычными пылками, но плавными, несколько театральными боярскими жестами. – Здесь расхождения и двух мнений быть не может. Я думал говорить много, но теперь не скажу ничего. Не к чему: Федором Михайловичем все сказано. Я, Иван Сергеевич Аксаков, почитае-

мый главою славянофилов, протягиваю руку Ивану Сергеевичу Тургеневу как главе западников, ибо после речи Федора Михайловича между нами не должно быть разногласия. Он все решил, всех примирил. И толковать здесь, стало быть, больше нечего!

Последнюю фразу, сказанную чрезвычайно авторитетно и выразительно, почему я и запомнил ее, смею утверждать, безошибочно, Аксаков сопроводил крепким, трескучим ударом кулака по пюпитру. И сошел с кафедры, чтобы действительно обменяться торжественным рукопожатием с огромным и великолепным, в серебряных сединах своих, ответно из всех элегантно в парижском фраке Тургеневым. Иван Сергеевич Тургенев встал навстречу Ивану Сергеевичу Аксакову, как мне показалось, с гораздо меньшим энтузиазмом, чем глава славянофилов к нему поспешил...» [2, 101].

В письме к О.Ф. Миллеру от 17 августа 1880 г., уже будучи свободен от приподнятой атмосферы праздника, Аксаков по прежнему, хоть и со сдерживающими оговорками, давал чрезвычайно высокую оценку речи – не столько ее содержанию, сколько произведенному ею эффекту:

«Вообще же ошибочно считать речь Достоевского за трактат, за какое-то догматическое изложение и подвергать в этом смысле критике. Ее нужно отделить от самого факта произнесения и впечатления, ею произведенного. Мысли, в ней заключающиеся, - не новы ни для кого из славянофилов. Глубже и шире поставлен этот вопрос у Хомякова и у брата Константина Сергеевича. Но Достоевский поставил его на художественно-реальную почву, но он отважился в упор публике, совсем не под лад ему и его направлению настроенной, высказать несколько мыслей, резко противоположных всему тому, чему она только что рукоплескала, и сказать с такою силой суждения, которая, как молния, прорезала туман их голов и сердец, - и, может быть, как молния же, и исчезла, прожегши только души немногих» [1].

3 сентября 1880 г. Аксаков писал Достоевскому: «И не торопитесь мне отвечать, дорогой Федор Михайлович, и не отвлекайтесь от вашего дела. Я знаю и без ваших слов, как вы пишете и чего стоит вам писание романа, особенно такого, как "Братья Карамазовы". Такое писание *изводит* человека; это не произведение виртуоза – тут ваша собственная кровь и плоть – в переносном смысле. <...> Письмо ваше меня очень утешило. Посылаю для вашей супруги три автографа: Гоголя, моего отца и брата Константина Сергеевича» [1]. Знаком внимания стала публикация в № 3 «Руси» (29 ноября 1880) краткой рецензии Ипполита Павлова на только что вышедший роман, сопровождаемой примечанием редактора:

«Роман "Братья Карамазовы", по богатству, важности и глубине поставленных им вопросов, по яркости и художественных достоинств, и художественных недостатков, по необычайной силе таланта, проявившейся здесь с большим блеском, чем прежде во всех прежних произведениях Ф.М. Достоевского, - этот роман заслуживал бы целого исследования и художественного, и психологического. В ожидании такой статьи, даем место хоть беглому критическому очерку одного из наших сотрудников» («Русь», 1880, № 3, стр. 17, прим.)².

Судя по стереотипности и однообразию характеристик, используемых Аксаковым здесь и в дальнейшем, сам он вряд ли читал этот роман – или, во всяком случае, вряд ли пошел дальше поверхностного чтения. Фигура Достоевского была важна для него не столько с художественной стороны, сколько как возможного, а отчасти уже и действительного союзника и пропагандиста взглядов, близких к его собственным. Можно предположить, что, по крайней мере отчасти, и личные впечатления Аксакова были довольно положительными. Как бы складывались дальнейшие отношения Аксакова с порывистым и резким Достоевским, намеренным вновь заняться публицистикой, возобновив издание «Дневника писателя», остается только гадать, хотя почти наверняка они не обошлись бы без сложностей и столкновений. Однако 28 января по старому стилю Достоевский скончался³, а уже 31 января № 12 «Руси» вышел со следующим текстом, опубликованным сразу после передовицы, под чертой⁴:

«Достоевский умер! Потеря незаменимая!.. В нашей современной литературе, это была чуть ли не единственная *положительная* сила, не растлевающая, не разру-

шающая, а укрепляющая и зиждительная. Это был мощный талант и замечательный мыслитель. Никто из наших писателей не был равен ему по глубине и бесстрашию психического анализа, по важности и широте нравственных задач, к разрешению которых он так страстно стремился в своих сочинениях, которые были для него личным делом, *делом души*, всей жизни, всего существа его. Его романы, с точки зрения исключительно эстетической, может быть именно и грешат тем, что слишком запечатлены характером субъективности, - но это-то и придаем им власть и обаяние искренности. Все они писались плотью и кровью, - на каждую строку изводилась жизнь самого автора: болезненный процесс творчества, преждевременной унесший его в могилу! Преждевременно, потому что талант его не слабел, но, казалось, только теперь достиг настоящего блеска и зрелости. Еще много в праве мы были ожидать от него... Старые силы, старые дарования сходят со сцены... Кто же является им на смену?.. Нет ответа!..» («Русь», 1881, № 12, стр. 3).

В № «Руси» от 7 февраля Аксаков посвящает памяти Достоевского передовицу, высоко оценивая его творчество в первую очередь с моральных и политических позиций, стремясь задать славянофильскую перспективу интерпретации (как известно, сам Достоевский в 60-е годы решительно дистанцировался от славянофильства, а в 70-е в «Дневнике писателя» характеризовал его хоть и положительно, но явно как прошедшее и уже забытое – хотя и напрасно – обществом течение [4, 372 (VII-VIII. 1876)]). Одновременно он стремится оказать посильную помощь семье писателя, перепечатывая из «Нового времени» со словами поддержки письмо О.Ф. Миллера с отказом от возврата денег, внесенных подписчиками за «Дневник писателя» на 1881 г.

Достоевский вновь упоминается в том же 13-м номере в статье «Несколько слов о Карлейле», начинающейся следующим образом :

«Почти одновременно с Россией, оплакивающей тяжелую, незаменимую утрату в лице дорогого нам всем Достоевского, - Англия теряла великого своего историка, Томаса Карлейля. Но Достоевский покинул нас, когда талант его блистал полной силой, когда его подкупное, бесстрашное слово всего более приносило плодов. Именно теперь Достоевский более всех имел возможность говорить авторитетно молодежи. Он помнил свою собственную молодость, свои пылкие увлечения, измененные постепенно временем, размышлением и страданием. Но его главная сила заключалась в очевидной неподкупности, в искренности, в неспособности кривить и торговать душою, а молодость только таким людям и верит безоглядно, только за такими и готова следовать: – смерть Достоевского в настоящую минуту – глубокое горе для всей России» («Русь», № 13, стр. 11).

Статья подписана инициалами «О.К.» и хоть изложение ведется от мужского лица, можно почти с полной уверенностью сказать, что она принадлежит Ольге Александровне Новиковой (1840-1925), урожденной Киреевой, близкой (как и ее братья Александр и Николай) к славянофилам, хорошо знакомой с Достоевским, с середины 1870-х годов преимущественно проживавшей в Великобритании и связанной с английской политической элитой, в основном либеральной [5, 352; 6, 162].

В ближайших номерах продолжают публикации мемориального характера. В № 13, помимо названного, напечатаны стихи «Памяти Ф.М. Достоевского» Ольги Пономаревой (стр. 19 – 20) и «Памяти Ф.М. Достоевского» Павла Висковатого (стр. 20, последнее помечено: «30 янв. 1881 г. Дерпт»). В № 14 от 14 февраля публикуется «Письмо Достоевского в 1878 г. к московским студентам» с редакционным предисловием:

«Помещаемое ниже письмо Ф.М. Достоевского получено было в апреле 1878 года несколькими студентами Московского Университета. Привыкнув в продолжение 77-го и 78-го года находить в “Дневнике писателя” честное, правдивое суждение автора о многих вопросах дорогих их сердце затрагивающих их за живое, они обратились к Федору Михайловичу с просьбой высказаться в печати по поводу уличной истории “с мясниками Охотного рынка”, произведшей сильное впечатление на всю университетскую молодежь. Настоящее письмо и есть ответ на этот запрос. В нем Достоевский в свойственной ему безыскусственной форме ясно выразил свой образ мыслей о русском учащемся юношестве, к которому он

относился с такою горячей любовью. Для характеристики Достоевского интересен как искренний тон, которым письмо это проникнуто, так и самый факт, что он не отказался изложить свой взгляд в письме к нескольким, вообще ему неизвестным молодым людям» (стр. 20).

В № 15 (21 февраля) напечатана «Речь профессора С.-Петербургского Университета О.Ф. Миллера к студентам, по поводу кончины Достоевского» (стр. 20 – 21); в № 16 (28 февраля) – «Из воспоминаний о Ф.М. Достоевском. (Читано в Петербурге, в торжественном заседании Славянского Благотворительного общества 14 февраля)» Н. Страхова (стр. 15 – 18). В том же № 16 Аксаков вспоминает Достоевского в послесловии к начатой публикации «Обнищеванцев» Н.С. Лескова:

«Невольно вспоминается Достоевский и следующие, какие-то пророческие строки в его *последнем* “Дневнике”: “Вся глубокая ошибка русских интеллигентных людей, что они не признают в русском народе Церкви. Я не про здания церковные говорю, я про наш русский “социализм” теперь говорю (и это обратно-противоположное Церкви слово беру именно для разъяснения моей мысли), - цель и исход которого *всенародная и вселенская Церковь* осуществленная на земле, поколику земля может вместить ее. Я говорю *про неустанную жажду в народе русском*, всегда в нем присущую, *великого, всеобщего, всенародного единения во имя Христово*. И если нет еще этого единения, если не созиждилась еще Церковь вполне, уже не в молитве одной, а на деле, то все-таки *инстинкт этой Церкви и неустанная жажда ее*, иной раз почти бессознательная, в сердце многомиллионного народа нашего *несомненно существует*. Не в коммунизме, не в механических формах заключается социализм народа русского: он верует, что спасется лишь в конце концов *всесветным единением во имя Христово*. Вот наш русский социализм! Вот над присутствием *в народе русском* этой *высшей единительной “церковной”* идеи вы и смеетесь господа, европейцы” наши!...» (стр. 22, прим.).

События 1-го марта 1881 г. и последовавшие за ними, вполне объяснимым образом вытеснили всякие иные темы из № 17 (и двух экстренных приложений к нему), однако уже в № 18 «Русь» вновь публикует материал, посвященный Достоевскому: «Несколько слов о Ф.М. Достоевском. (Читано в публичном заседании Петербургского Славянского Общества 14 февраля)» Ап. Майкова. В последующих номерах уже с меньшей частотой, но устойчиво помещаются публикации о Достоевском: так, например, в № 30 (6 июня 1881) напечатаны «Два письма Ф.М. Достоевского к Н.Л. Озмидову» (от февраля 1878 и 18 августа 1880), в № 36 (18 июля 1881) опубликовано «Письмо Достоевского к врачу А.Ф. Благодравову» (от 19 декабря 1880 г.), причем они по прежнему часто сопровождаются редакторскими примечаниями. Так, предваряя письма Н.Л. Ормиздову, Аксаков писал о Достоевском:

«Нельзя не дивиться его обширной переписке, нельзя не дивиться тому доверию, с которым обращались к нему, часто по вопросам самого личного свойства, касающимся внутреннего мира души, люди вовсе ему неизвестные. Было в нем, стало быть, нечто, что внушало это доверие, что влекло к нему всех труждаемых задачами нравственного и духовного свойства, - и это доверие не было обмануто ни разу, ни разу не было оскорблено учительским тоном и приемами проповедника. Эти сношения его души со множеством душ в частной переписке составляют важную черту для его биографии; она была бы не полна без них» («Русь», 1881, № 30, стр. 22, прим.).

Мемориальные публикации «Руси» отчетливо демонстрируют тот образ Достоевского, который представлялся адекватным с точки зрения Аксакова – в первую очередь образ моралиста, нравственной силы, действующей художественными образами, выражающими народный дух, отчасти и независимо от тех идеологических конструкций и оттенков мысли, что озвучивал писатель. Аксаков, вполне предсказуемым образом, акцентировал только те аспекты мысли и деятельности Достоевского, что не вступали в противоречие с его пониманием славянофильства – однако в то же время очень мало внимания уделяя собственно художественному, литературному значению произведений покойного. В качестве вывода отметим, что мемориальные статьи и редакторские заметки Аксакова, равно как и публикации О.Ф. Миллера и Н.Н. Страхова, акцентируя этические аспекты творчества До-

стоевского, одновременно закладывали основы интерпретации Достоевского как философа и религиозного мыслителя, получившей развитие в начале XX века.

Примечания

1. Исследование выполнено в рамках гранта от Совета по грантам Президента Российской Федерации (2011 г.). Тема: «Национальное самосознание в публицистике поздних славянофилов»; № гранта МК-1649.2011.6.
2. В первых номерах «Руси» также печатались рекламные объявления об отдельном издании «Братьев Карамановых», выпущенном книготорговым предприятием А.Г. Достоевской. Подробный критический разбор «Братьев...» так в «Руси» и не появился – отчасти из-за недостатка сотрудников, с другой же стороны вытесненный актуальными политическими событиями тяжелого 1881 года, а затем - мемориальными публикациями о Достоевском.
3. В ночь на 29 января, в ответ на телеграмму О.Ф. Миллера, Аксаков писал: «Я уже знал о смерти Достоевского, когда получил вашу телеграмму, многоуважаемый Орест Федорович. Известие получено было ночью Катковым и помещено в "Московских ведомостях". Горе, горе! Это незаменимая потеря! Теперь из художников-писателей и хоронить уже некого. Угасла сила *положительная*, незаменимая. Он один держал знамя высших нравственных начал. Дело художественного творчества было для него *делом души*. Не прошло и десяти дней, даже меньше, как я ему писал! Я написал о нем несколько слов в номере "Руси", который завтра печатается. Это казнь божия, которой, впрочем, мы стоим. В обществе и литературе у нас царит только одна *богема*, как выражаются французы. Я вовсе сиротею. Становится жутко...» [1].
4. Можно предположить, что текст набирался в последний момент и был написан сразу же по получении известия из Петербурга. Аксаков обычно писал передовицы заранее (иногда и для следующего номера разом) и сдавал текст в типографию за несколько дней до выхода газеты. В пользу этого свидетельствует и более мелкий, по сравнению с передовицей, размер шрифта – сообщение вставлялось в уже отчасти сверстанную газету. В пользу этого отчасти говорит и цитированное выше письмо Аксакова О.Ф. Миллеру.

Литература

1. Аксаков, И.С. Из писем // Литературное наследство. Т. 86. – М.: Наука, 1973 // Электронный ресурс – [Режим доступа: http://az.lib.ru/a/aksakow_i_s/text_0150.shtml]
2. Амфитеатров, А.В. Жизнь человека, неудобного для себя и для многих / Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. А.И. Рейтблата. Т. 1. – М.: Новое литературное обозрение, 2004.
3. Достоевский, Ф.М. Соб. соч. в 15 т. / Под ред. Г.М. Фридендер. – Т. 11: Публицистика. – СПб.: Наука, 1993.
4. Достоевский, Ф.М. Дневник писателя: в 2 т. Т. 1. – М.: АСТ, 2004.
5. Киреев, А.А. Дневник. 1905 – 1910 / сост. К.А. Соловьев. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
6. Полунов, А.Ю. К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
7. [Сухотин, С.М.] Из памятных тетрадей С.М. Сухотина // Русский Архив. 1894. Кн. 1.
8. Цимбаев, Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978.